

Марат Байзаков

ЧУКУР

16+

Марат Байзаков

Чукур

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49387331

SelfPub; 2019

Аннотация

События, описываемые в рассказе, происходят в девяностые, в маленьком узбекском ауле, затерянном где-то в горах. Жители зовут свой аул – «Чукур», что переводится как «Яма». Однажды в Яме умирает человек, который приютил у себя христианских сектантов. Народ, под предводительством имама, отказывается хоронить Хуснуда по мусульманским обычаям. Брат покойного – Мансур вынужден везти усопшего в горы и там предать его земле.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

То, что усопший не был мусульманином, знали в ауле все, кроме имама. Имам был приезжий, из соседнего села. Там у него и мечеть с прихожанами в тридцать пять голов, и электричество целых три часа в сутки. А в этот, стиснутый Чаткальскими хребтами, аул его заманишь разве что редкими свадьбами, но чаще чьей-нибудь смертью для совершения погребальной молитвы – джаназы. В таких случаях за имамом посылали Хасанбая, толстого, рыжего амбала, заполнявшего собой полкабины трактора. Механический транспорт имелся только у него, такого же ржавого цвета, неуклюжий и кашляющий клубами дыма.

Имам не отказывал. Он утешался тем, что его усилия щедро вознаграждаются. «Если не в этом мире, то в ином», – причитал он. Всё же вознаграждали его на этом свете. Редко когда деньгами, чаще бараниной на целый казан, кисло-сладким кумысом, а в последний раз даже чапан¹ надели, на верблюжьей шерсти с ситцевой подкладкой, явно ручного пошива.

Впрочем, трёхчасовая поездка по горным дорогам не сулила ничего приятного. Однажды на самом склоне горы у них заглох трактор, в двадцати километрах от аула. Пока Хасанбай, склонившись над капотом, что-то чистил и продувал, имам успел насчитать трёх волков и несколько шакалов, круживших вокруг машины. Припав на передние лапы, хищники наблюдали за непонятным железным зверем,

---

¹ Вариант мужского кафтана

рычавшим на всю окрестность, как голодный лев, и внезапно умолкшим. Может, уснул? Или помер? Будет чем полакомиться! Но приближаться они боялись, выжидали.

Тяжелее всего было слушать неумолкающего Хасанбая, чья речь была бессмысленной, нудной. Пытаясь перекричать рёв своей машины, тракторист жаловался имаму на погоду, из-за которой он днём потеет, как собака, а ночью мёрзнет, опять же как собака; на своего соседа Шерали, который одолжил у него велосипед и вот уже неделю не возвращает. Но особо он сетовал на снижение надоя у его единственной коровы, будто это он, имам, был тому причиной.

– Я думаю, это из-за мастита, – убеждал Хасанбай своего пассажира, так и не проронившего ни слова. – Задняя доля вымени отекла, понимаете, так бывает при мастите.

Имам особо не вслушивался, он кивал головой и перебирал бусинки на чётках, что-то при этом нашёптывая себе под нос.

Вот и в этот раз Хасанбай взялся привезти служителя мечети из соседнего села. Причина была печальная: хоронили Хуснуда, младшего брата Мансура. Родители у них умерли давно и Мансур, как старший и единственный брат, занимался погребением.

В первую очередь он известил соседей. Они помогли очистить двор от снега и огородить его брезентом. Затем расставили у ворот стулья и столы для гостей.

В глубине двора запыхтел самовар – горячую воду в ауле по-иному не добыть. Вместо воды в него подбрасывали свежесвыпавший снег – всё лучше, чем носить воду из полыньи, сгодится для омовения тела.

В обмен на тёплые вещи покойного – армейскую ушанку и куртку на пуху – Мансур нанял добровольцев омыть тело брата и выкопать могилу на кладбище.

Слухи в ауле распространялись живо. К полудню все уже знали, что у Мансура умер брат. К дому стал стекаться народ. Женщины, опустив головы, проходили напрямик в дом и уже там, обняв хозяйку, истошно выли, но усевшись на стёганый матрац – курпачу, тут же умолкали. Мансур же, обвязавшись атласным поясом, встречал людей у ворот. Он не плакал. Гостей у входа он встречал громкими причитаниями, нервно и часто протирал платком глаза, притворно кашлял, морщил лоб, но не плакал. Не заплакал он и утром, когда к нему в дом вбежала Зулхимор, жена покойного, без платка, со взъерошенными волосами, и с криками, воплями сообщила о смерти мужа. Мансур лишь сел обратно в постель и, как богомол, покачиваясь взад-вперёд, уткнулся взглядом в костлявые пальцы ног. Он не проронил ни слова, ни слезинки, будто всё так и должно было быть. Он сидел и отрешённо разглядывал мёртвый, почти окаменевший ноготь большого пальца.

– Ну сделайте же что-нибудь, Мансур-ака, – повторяла Зулхимор, захлёбываясь слезами, и что есть силы теребила

мужчину за плечи.

Вдруг Мансур подскочил с кровати, будто вспомнил что-то важное, и стал машинально натягивать сапоги, накинул бушлат на дырявую майку. Одевшись, он выбежал на улицу и бросился к дому брата. Зулхимор бежала за ним. Со стороны было нелепо и смешно наблюдать как маленький смуглый человечек в неуклюжих кирзовых сапогах спешил, бросая огромные шаги через сугробы и арыки, а за ним, скользя и падая, попевало тоненькое длинное тельце.

***

– Едут! – крикнул кто-то из детишек, бегавших недалеко от дома.

Собравшийся у дома народ зашевелился. Под женские всхлипывания вынесли из дома тобут², на котором лежал покойник, облачённый в белый саван. Всё было готово к чтению заупокойной молитвы. Ждали имама. Вдали слышались рокот и пыхтение, но самого трактора не было видно. Гул разносился по ущельям и долго бродил меж гор – было непонятно как далеко находятся путники.

2

– «Село», говорите? – арбакеш, сплюнув насвай³, пнул осла галошей, тот дёрнулся и зашагал резвее. – Да какое же это

---

² Похоронные носилки

³ Вид некурительного табачного изделия

село: ни тебе воды, ни газа, ни света... дыра это, а не село, тьфу ты.

Он вновь сплюнул, в этот раз не насвай, а с досады. Его собеседниками были необычные пассажиры – нескладный мужчина средних лет и кроткая девушка с белокурыми волосами. Сидели они по углам навьюченной повозки еле удерживаясь за её края.

– И что вы там потеряли? Лекарства что ли везёте? – извозчик кивнул на пухлые рюкзаки.

– Мы слово божье несём, – прошептала девушка и покраснела.

Арбакеш не расслышал её или не понял. Путники говорили на местном языке с большим акцентом, хотя говорили они бегло, непринуждённо.

– Это хорошо, что вы наш язык освоили, потому что там, куда вы едете на русском говорят плохо, очень плохо. Ну разве что Хуснуд знает его нормально. Он, я слышал, даже Пушкина читал, «Войну с миром».

Девушка громко засмеялась. От этого арбакеш оживился, закинул ногу на ногу и, прислонившись к мешку с чем-то мягким, рассыпчатым, затянул песню, без ритма и мелодии:

*Қарокўзим, келу мардумлиғ эмди фан қилғил,
Кўзум қаросида мардум киби ватан қилғил...*

Гужева повозка кряхтела, опрокидываясь то на один бок,

то на другой. Огромные торчащие со всех сторон булыжники и выступы скал возвышались над путниками. В их воображении вырисовывались образы дохристианских идолов, подобно истуканам острова Пасхи. Они чувствовали себя великими просветителями, конкистадорами, приносившими язычникам слово божье.

Песня внезапно оборвалась и арбакеш, бросив взгляд на своих немногословных пассажиров, продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.